

Особенности интерпретации темы прощения и непростения Б. Окуджавой и А. Галичем

Features of the interpretation of forgiveness and non-forgiveness by B. Okudzhava and A. Galich

Казмирчук О.Ю.

Канд. филол. наук, доцент, ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет», г. Москва
e-mail: kazmirchuk@yandex.ru

Kazmirchuk O.Yu.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University, Moscow
e-mail: kazmirchuk@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются лирические тексты двух ярчайших представителей авторской песни, Б. Окуджавы и А. Галича. Для анализа выбраны тексты, посвященные проблеме прощения и непростения. Эти проблемы настолько важны для Окуджавы и Галича, что оба автора обращаются к их осмыслению на протяжении всего творческого пути.

Ключевые слова: Б. Окуджава, А. Галич, тема прощения, тема непростения.

Abstract

The article analyzes the lyrical texts of two of the most prominent representatives of the author's song, B. Okudzhava and A. Galich, and examines the texts dedicated to the issues of forgiveness and non-forgiveness. These issues are so important to Okudzhava and Galich that both authors have addressed them throughout their careers.

Keywords: B. Okudzhava, A. Galich, the theme of forgiveness, the theme of unforgiveness.

Песни Б. Окуджавы и А. Галича часто становились и до сих пор еще становятся предметом серьезного сравнительного анализа [10, с. 289–301; 12, с. 64, 144–145]. Подобный феномен легко объяснить как минимум двумя очевидными факторами: поэты были современниками (А. Галич старше Б. Окуджавы всего на шесть лет), и они оба активно работали в жанре авторской песни. Справедливости ради нужно отметить, что Галич вошел в литературу как драматург и был очень успешен на этом поприще, а Окуджава со временем стал отдавать безусловное предпочтение не лирике, а прозе (ср. череду его романов, посвященных разным периодам истории России). Однако и тот, и другой явились знаковыми фигурами для целого поколения именно благодаря своим песням [1, с. 299–301; 7, с. 40].

Дополнительным аргументом, подтверждающим правомерность исследовательского сопоставления песен Б. Окуджавы и А. Галича, можно считать и тот нескрываемый интерес, который барды проявляли к творчеству друг друга. А. Галич часто довольно критически высказывался об отдельных песнях и даже отдельных строчках Б. Окуджавы, но признавал: Окуджава стоял у истоков авторской песни (еще раз напомним: сам А. Галич начал писать песни уже будучи признанным сценаристом) [10, с. 289–290, 293–294, 303–304; 9, с. 123]. Б. Окуджава остроумно парировал замечания Галича и, в свою очередь, тоже критиковал коллегу, однако был более сдержан. Плодотворность подобного диалога доказана и тем, что даже после смерти А. Галича Окуджава продолжал размышлять над его словами и уже соглашался с некоторыми из его критических высказываний.

Сейчас мне бы хотелось сравнить стихотворение Б. Окуджавы «Прощание с осенью» (1964 г.) и песню А. Галича «Засыпая и просыпаясь» (1968 г.). Оба текста посвящены проблеме вины и прощения или непростения. Очевидно, что это – одна из важнейших проблем, издавна занимающих человечество. Писатели и поэты во все времена будут пытаться ее разрешить (а исследователями литературы буду описывать и анализировать такие попытки [1, с. 77–78, 96–98; 6, с. 34–53]), а потому вполне закономерно стремление Окуджавы и Галича предложить собственные варианты осмысления столь значимого вопроса.

Начну с характеристики стихотворения Б. Окуджавы, поскольку оно было написано раньше, чем песня Галича.

Уже в первых строках «Прощания с осенью» воссоздается ситуация, заявленная в названии: вводится мотив осени и мотив расставания, имплицитно присутствующий в упоминании «звучащей» (т.е. пришедшей в движение, возможно, закрывающейся) калитки. Да и сам мотив осени традиционно семантически связывается с идеей прощания (прощание с солнцем, прощание с теплом, улетающие на юг птицы, прощавшиеся с родными местами и т.п. [8, с. 376]).

Первая строфа «Прощанья с осенью» представляет собой цепочку назывных предложений, глагол появляется только в финале строфы: «...короткое, как вздох: / «Прощай, прощай...» [14, с. 277]. Повелительное наклонение глагола в данном случае допускает его двойную семантическую трактовку: речь может идти и о прощании, и о прощении.

Семантическая двойственность исчезает во второй строфе, поскольку глагол в изъявительном наклонении реализует только идею прощения: «Прощай, прощай...» / Да я и так прощаю...» [14, с. 277]. Одновременно с «озвучиванием» темы прощения в стихотворении возникает лирический герой (в назывных предложениях, которыми открывается стихотворение, вообще нет субъекта).

Лирический герой Б. Окуджавы способен простить все. Перечень прощаемых «прегрешений» строится «по нарастающей», от минимального (обида, причиненные людьми герою лично, простить такое действительно достаточно легко: «Прощаю все обиды, / обеды у обидчиков моих...»), к максимальному (тяжелая, несправедливая судьба матери): «...но горести моей прекрасной мамы / прощаю я неведомо кому...» [14, с. 277]. Данная строчка содержит прямые отсылки к биографии Окуджавы, в трагической истории его семьи отразились все перипетии истории нашей страны начала XX в. Родители Б. Окуджавы, с ранней юности связавшие свою судьбу с партией большевиков, активно участвовавшие в происходящих политических преобразованиях (Ш. Окуджава долго работал и даже дружил с Орджоникидзе), в 1937 г. были арестованы: сначала забрали отца, мать стала хлопотать за мужа, после чего арестовали и ее [1, с. 300; 12, с. 50; 15, с. 66–82, 96–100].

На фоне столь страшной личной трагедии особенно поражает постулируемая поэтом готовность прощать. Лирический герой Окуджавы, признавая за собой эту способность, уподобляет себя некоему божеству: «Я чувствую себя последним богом, / единственным умеющим прощать» [14, с. 277]. Однако сразу после этого герой признается: ему самому прощения точно не будет.

Последняя строфа «Прощанья с осенью» частично повторяет первую строфу, при этом в финале четко проговаривается онтологическая соотнесенность двух действий, «прощания» и «прощения»: «Прощаю побелевшими губами, / пока не повторится всё опять – /осенний горький чай, пирог с грибами /и поздний час – / прощаться и прощать [14, с. 278].

Оба действия неслучайно приурочены Б. Окуджавой к осеннему периоду, ведь осень – это момент умирания природы (и в мире людей прощание с умершим традиционно включает в себя обряд прощания). В стихотворении «Прощанье с осенью» скрыто присутствует и тема смерти, ср. хотя бы мотив побелевших губ. Вообще в лирике Б. Окуджавы мир природы и мир человека «вторят» друг другу, лирический герой часто сравнивает свое поведение, свое

существование, с вечным бытием природы, об этом см. подробнее в статье Н.М. Девятовой [7, с. 342–343].

Итак, в стихотворении Б. Окуджавы процессы расставания и извинения взаимосвязаны. Эти процессы представлены как некое повторяющееся действие, а повторяемость делает акт прощения-прощания практически непрерывным.

Соотнесение мотивов прощания и прощение, заявленное в «Прощании с осенью», появляется и в других текстах, написанных Б. Окуджавой в 60-х годах, сравни знаменитую «Песенку о пехоте» и не менее знаменитое «Прощание с Польшей». Поэта привлекала фонетическая, морфологическая и семантическая близость слов «прощенье» – «прощанье», он использовал эту словесную пару при осмыслении истории своей семьи, истории своей страны.

Тема прощения неотделима от темы вины. Тема вины также играет немаловажную роль в творчестве Б. Окуджавы. В его ранних поэтических текстах она возникает в контексте любовной проблематики, при этом виноват бывает не герой, а женщина-героиня, однако вскоре ситуация принципиально меняется: лирический герой Б. Окуджавы признает себя виновным в глобальных бедах, постигших человечество, например: «А как третья война — лишь моя вина...» [14, с. 205]. Поскольку вина героя огромна, сомнительно и получение прощения, в стихотворении «Прощание с осенью» такая возможность полностью отрицается.

Не менее парадоксально темы вины, невинности и прощения разрешаются в стихотворении Б. Окуджавы «Встреча» (1965 г.). В нем описывается встреча лирического героя с Лермонтовым (воображаемая встреча предстает здесь как нечто абсолютно реальное). Лермонтов рассказывает о том, что не считает Мартынова виноватым, прощает его. Возможно, именно умение прощать (которым реальный Лермонтов, как известно, не обладал), возвращает к жизни Лермонтова Окуджавы, ср. его финальное обращение к лирическому герою: «Мой дорогой, пока с тобой мы живы, / всё будет хорошо у нас с тобой...», об этом стихотворении см. подробнее в статье М.А. Александровой [2, с. 212–218].

Последние попытки решения проблемы вины и прощения-непрощения были предприняты Б. Окуджавой на рубеже 1980-х и 1990-х годов. В 1989 г. пишется стихотворение «К старости косточки стали болеть...», до сих пор не привлекавшее внимание исследователей творчества Окуджавы. Лирический герой стихотворения осознает, что жизнь подходит к концу и прожита она была бессмысленно, бесполезно (эти идеи реализуются через мотивы сгорания, мир стихотворения на редкость дисгармоничен). В стихотворении имплицитно присутствует уже знакомая комбинация темы осени и темы смерти («Лето кончается. Лета уж близко» [14, с. 455]). Лирический герой снова вспоминает о трагической судьбе матери, а за собственную бесполезную жизнь он отказывается извиняться, ему не важно мнение людей, столь же повинных в происходящем: «Я не прощенья прошу у людей: что их прощение? Вспыхнет и сгинет» [14, с. 456]. Герой готов к смерти, он даже желает ее прихода, смерть видится ему как возвращение в гармоничное прошлое, как встреча с молодой, красивой мамой.

Стихотворение «К старости косточки стали болеть...» комплексом разработанных в нем тем, образов и мотивов родственно проанализированному ранее «Прощанию с осенью», однако текст 1989 г. гораздо более пессимистичен, возможно, потому что в нем не представлена тема прощения (лирический герой прощения не хочет).

Теперь я попытаюсь рассмотреть, как темы вины и прощения осмысляются в песне А. Галича «Засыпая и просыпаясь». В песне Галича, как и в «Прощании с осенью» Окуджавы, акт прощения приурочен к определённом временному отрезку, а деятельность лирического героя соотносится с тем, что происходит в природе: «Всё снежком январским припорошено, / Стали ночи долгие лютей... / Только потому, что так положено, / Я прошу прощенья у людей» [5, с. 78]. Подобная структура строфы напоминает один из древнейших художественных приемов, двучленный параллелизм, воплощавший идею соотнесенности жизни природы и жизни человека [4, с. 120].

Нельзя не заметить принципиальных различий в установках Окуджавы и Галича: герой Окуджавы прощает людей, герой Галича – просит прощения. При этом герой Галича признается: он просит прощение лишь потому, что подобное поведение предписано традицией.

В песне А. Галича упоминается субботняя звезда (прямая отсылает к иудаизму), т.е. в первых куплетах речь может идти о Йом Кипуре (судном дне, когда Бог принимает решение, проживет ли человек еще год, в Йом Кипур иудеи просят прощение). Однако при такой интерпретации очевидны хронологические нарушения: Йом Кипур отмечается осенью.

Далее герой Галича засыпает и во сне слышит голос пушкинской няни: «Это мне Арина Родионовна / Скажет: «Нит гедайге, спи, сынок» [5, с. 78]. Здесь в русскоязычный текст вторгается идишское словосочетание, исполняя песню, А. Галич пояснял: «Слова “нит гедайге” по-еврейски означают не печалься, не отчаивайся» (фонограмма 1974 г.). Идишское выражение вложено в уста Арины Родионовны, так Галич пытается объединить две важных для него культуры, русскую и иудейскую [11, с. 50], неслучайно идея объединения различных начал присутствует в названии песни, «Засыпая и просыпаясь».

Появление образа Арины Родионовны способствует тому, что в тексте актуализируется парадигма русской культуры, а значит мотив прощения, заявленный в начале, может ассоциироваться с обрядами, совершаемыми в Прощеное воскресенье: перед Великим постом православные просят прощение. Но и в этом случае очевидны хронологические несоответствия: Прощеное воскресенье приходится на февраль – март, лирический герой Галича задумывается о «прощении» в январе, январь – начало европейского календарного года, начало нового жизненного этапа [8, с. 378].

Нарушения хронологической последовательности ещё заметнее во сне героя, Арина Родионовна рассказывает о том, что жестокое истребление евреев забыто: «...А над Бабьим Яром – смех и музыка... / Так что, всё в порядке, спи, сынок» [5, с. 78]. Финал монолога семантически противоречит идее покоя: «Спи, но в кулаке зажми оружие – / Ветхую Давидову прашу!» [5, с. 78]. Так в песне Галича преломляется ветхозаветный сюжет о победе слабого над неправой силой, сам же герой отрицает успокоение и не будет прощать равнодушных к чужому горю: «Люди мне простят от равнодушия, / Я им – равнодушным – не прощусь!» [5, с. 78].

Трактовка равнодушия как самого большого человеческого греха присутствует во многих песнях А. Галича. Чаще всего эта тема соотносится с трагической судьбой русских писателей и поэтов. В этом контексте можно вспомнить песню «Памяти Пастернака» (1966 г.), где идея непощения становится лейтмотивом: нельзя простить тех, кто равнодушно поддержал чудовищное обвинение, предъявленное властями поэту (сам А. Галич не присутствовал на этом знаменитом собрании, но позднее был также исключен из Союза писателей), или песню «Без названия» (1967 г.), герой которой не может стерпеть равнодушного отношения к гибели И. Бабеля, О. Мандельштама, М. Цветаевой.

Вторая группа текстов А. Галича, базирующихся на идее непощения равнодушных, посвящена Холокосту. Эта тема присутствует в песне «Засыпая и просыпаясь», она же звучит и в финале «Кадиша» (1970 г.), цикла стихотворений и песен о Януше Корчаке (кадиш – иудейская молитва, которую сын произносит в память об умершем отце).

Возвращаясь к сравнению стихотворения Б. Окуджавы «Прощание с осенью» и песни А. Галича «Засыпая и просыпаясь», нужно признать: герои этих текстов по-разному осмысливают идею прощения. Лирический герой Окуджавы прощает любые грехи, а герой Галича отказывается прощать, поскольку прощение иногда равносильно забвению причиненных страданий. Но, несмотря на столь принципиальные различия, в обоих текстах используется сходный набор мотивов и образов, присутствует религиозная проблематика (неотделимая от идеи прощения) и биографический компонент, соотносящийся с широким историческим контекстом.

В стихотворении Б. Окуджавы «биографическая» составляющая представлена темой трагической судьбы матери, в песне Галича биографический пласт и пласт исторический

реализуются через объединение двух культурных традиций (иудейской и русской). Галич искренне считал ассимиляцию евреев необходимым и правильным процессом, эта тема возникает и в песнях (как в серьезных, ср. «Засыпая и просыпаясь»), так и в сатирических), и в пьесах (ср. пьесу «Матросская тишина», которая при жизни А. Галича даже не была поставлена, зато с большим успехом идет в российских театрах сейчас. Кроме того, имплицитно присутствующий в песне «Засыпая и просыпаясь» образ А.С. Пушкина соотносится не только с общекультурным контекстом, но с личной биографией Галича, о чем стоит сказать хотя бы несколько слов.

Имя Галича совпадает с именем Пушкина, Галич на редкость серьезно относился к мифологии этого имени (ср. цикл его песен о трех поэтах, именуемых Александрями [13, с. 130]). Кроме того, исследователи творчества А. Галича предполагают, что выбранный им псевдоним непосредственно связан с биографией Пушкина: русскую словесность в Царскосельском лицее какое-то время преподавал Александр Иванович Галич, Пушкин любил учителя, ему адресованы многие пушкинские послания [3, с. 213].

Итак, темы вины и прощения чрезвычайно важны для Окуджавы и Галича. К этим темам поэты обращались многократно, трактовка этих тем у каждого автора оставалась практически неизменной: лирический герой Окуджавы способен прощать, а лирический герой А. Галича ни себе, ни другим не прощал равнодушия. Рискну предположить: способность или неспособность прощать, проявляемые героями Б. Окуджавы и А. Галича, полностью совпадали с мировоззренческими установками поэтов, что до известной степени повлияло на их литературную и личную судьбу. В последние годы Б. Окуджава много издавался, выступал с концертами, давал интервью журналистам, пытался проанализировать политические перемены, произошедшие нашей стране, размышлял и об авторской песне; Галич в 1974 г. вынужденно уехал из Советского Союза, его имя было изъято из титров популярнейших фильмов, его смерть в Париже была трагической и нелепой.

Литература

1. Абелюк Е.С., Поливанов К.М. История русской литературы XX века: Книга для просвещенных учителей и учеников. Книга вторая. После революций. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
2. Александрова М.А. Образ Лермонтова в поэзии советского времени и «Встреча» Булата Окуджавы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. – С. 212–218.
3. Аронов М. Александр Галич. Полная биография. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
4. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: ГИХЛ, 1940.
5. Галич А.А. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, Издательство ДНК, 2006.
6. Данилкова Ю.Ю. Проблема вины в творчестве Ф. Кафки. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Российский государственный гуманитарный университет. М., 2002.
7. Девятова Н.М. О сравнительном потенциале отдельных тематических групп лексики в лирике Б.Ш. Окуджавы // Русская словесность. 2025. № 1. – С. 40–46.
8. Захарова М.В. Концептуальное поле «времена года» в русском языковом сознании // Семантика времен года в русской словесности: Коллективная монография. М.: Книгодел; МГПУ, 2021. – С. 370–384.
9. Зотова Г. Первая встреча с Галичем // Окуджава. Высоцкий. Галич...: Науч. альм. В 2 кн. / Сост.: А.Е. Крылов, С.В. Свиридов. М.: Либлика, 2021. Кн. 1. – С. 120–133.
10. Крылов А.Е. О двух «окуджавских» песнях Галича // Галич: Новые ст. и материалы. Вып. 3. М.: Булат, 2009. – С. 289–322.
11. Кулагин А.В. Детство как лирическая тема Галича // Галич: Новые ст. и материалы. Вып. 3. М.: Булат, 2009. – С. 45–59.

12. Кулагин А.В. Лирика Булата Окуджавы: научно-популярный очерк. М.: Булат, 2019.
13. Малкина В.Я., Доманский Ю.В. Мифы о поэтах и автобиографический миф в «Александрйских песнях» А. Галича // Галич. Проблемы поэтики и текстологии. М.: Гос. культур. центр-музей В. С. Высоцкого, 2001. – С. 129–138.
14. Окуджава Б.Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001.
15. Розенблюм О.М. «Ожиданье большой перемены» Биография, стихи и проза Булата Окуджавы. М.: РГГУ, 2013.